

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 165–173.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 3 (84). P. 165–173.

Научная статья
УДК 165.0:159.955
doi: 10.54398/1818-510X.2025.84.3.020

**КУЛЬТУРНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ Д. ЭВЕРЕТТА В КОНТЕКСТЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ
Н. ХОМСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО РЕЛЯТИВИЗМА**

Мулялкина Мария Александровна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
Marymulya2304@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-4648-6592>

Аннотация. Статья анализирует роль культурного релятивизма Д. Эверетта в исследовании проблемы взаимоотношения языка и мышления, сравнивая концепцию с теориями лингвистического релятивизма и универсальной грамматики Н. Хомского. В работе выявлены ключевые расхождения направлений: универсальная грамматика рассматривает язык как врожденную биологическую способность, тогда как культурный релятивизм считает язык пластичным культурным инструментом, формирующимся в процессе социальной интеракции и адаптирующимся к коммуникативным потребностям конкретного сообщества. В свою очередь, лингвистический релятивизм отвергает тезис о прямой детерминации языковых структур культурными факторами, который высказывает Д. Эверетт, а культурный релятивизм отрицает сильную версию языкового детерминизма. Несмотря на выявленные противоречия, подходы демонстрируют не антагонизм, а комплементарность: универсальная грамматика объясняет бесконечный потенциал языковой способности, культурный релятивизм концентрируется на вариативности ее реализации, а лингвистический релятивизм изучает взаимовлияние языка и мышления в конкретном социокультурном контексте. Рассмотрение указанных концепций как дополнительных позволит преодолеть ограничения радикальных тезисов каждой из теорий и предложить более целостную модель для объяснения взаимоотношения языка и мышления, учитывая специфику и индивидуального, и коллективного мышления.

Ключевые слова: культурный релятивизм, лингвистический релятивизм, универсальная грамматика, Н. Хомский, Д. Эверетт, племя пираха, взаимоотношения языка и мышления, культурный детерминизм, лингвистический детерминизм, взаимоотношения языка и культуры

Для цитирования: Мулялкина М. А. Культурный релятивизм Д. Эверетта в контексте универсальной грамматики Н. Хомского и лингвистического релятивизма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 165–173. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.020>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**CULTURAL RELATIVISM OF D. EVERETT IN THE CONTEXT OF UNIVERSAL GRAMMAR
OF N. CHOMSKY AND LINGUISTIC RELATIVISM**

Maria A. Mulyalkina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Marymulya2304@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-4648-6592>

Abstract. This paper examines the role of D. Everett's cultural relativism in investigating the language-thought relationship, contrasting it with theories of linguistic relativism and N. Chomsky's universal grammar. The article identifies fundamental divergences between these approaches: universal grammar considers language as an innate biological ability, whereas cultural relativism considers language to be a plastic cultural instrument that is formed in the process of social interaction and adapts to the communicative needs of a particular community. In turn, linguistic relativism rejects the thesis of the direct determination of linguistic structures by cultural factors, which is expressed by D. Everett,

and cultural relativism criticizes a strong version of linguistic determinism. Despite these contradictions, the approaches demonstrate complementarity rather than antagonism: universal grammar explains the potential of linguistic capacity, cultural relativism focuses on variability in its realization, and linguistic relativism examines the mutual influence between language and thought within specific sociocultural contexts. Treating these conceptual frameworks as complementary allows overcoming the limitations of each theory's radical postulates and enables the development of a more comprehensive model for explaining the language-thought relationship that accounts for both individual and collective cognitive specificities.

Keywords: cultural relativism, linguistic relativism, universal grammar, D. Everett, N. Chomsky, Piraha tribe, the relationship between language and thinking, cultural determinism, linguistic determinism, the relationship between language and culture

For citation: Mulyalkina M. A. Cultural relativism of D. Everett in the context of universal grammar of N. Chomsky and linguistic relativism. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 3 (84), pp. 165–173. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.020> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Релятивизм как методологический принцип постулирует абсолютный характер относительности онтологических, гносеологических, моральных, аксиологических суждений, отрицая возможность существования универсальных истин. В научном дискурсе релятивистскими принято считать исследования, объясняющие субъективность мировосприятия посредством введения системы взаимозависимых факторов. В этом контексте концепция Д. Эверетта, утверждающая культурную детерминацию когнитивных способностей и грамматики языка, представляет собой яркий пример культурного релятивизма, где в качестве определяющего фактора языковой вариативности выступает социокультурная среда.

Лингвистический релятивизм, защищающий гипотезу лингвистической относительности, ассоциируется с работами Э. Сепира, Б. Уорфа, С. Левинсона, Дж. Люси и др. и занимает центральное место в дискуссиях о взаимовлиянии языка и мышления. Концепция Д. Эверетта, демонстрируя близость к данному направлению, вносит существенное уточнение, постулируя примат культурных факторов в формировании языковых и когнитивных структур. Эта позиция вступает в противоречие с теорией универсальной грамматики Н. Хомского, что особенно очевидно в контексте критики Д. Эвереттом тезиса о врожденной языковой способности.

Гипотеза лингвистической относительности и универсальная грамматика Н. Хомского связаны с проблемой взаимоотношения языка и мышления: первая говорит о том, что язык влияет на мышление, вторая утверждает, что лингвистическая система является универсальным механизмом экспликации мысли. Концепция культурного релятивизма Д. Эверетта вносит существенный вклад в эту дискуссию, выдвигая третью позицию, в которой мышление является зависимым от культурных факторов. Культуру автор понимает как «абстрактную сеть, определяющую и создающую социальные роли, сферы иерархически структурированного знания и ранжирования ценностей» [11, с. 53].

Главная цель статьи заключается в проведении компаративного анализа между концепцией Д. Эверетта и направлениями лингвистического релятивизма и универсальной грамматики, а также в определении статуса культурного релятивизма в рамках проблемы взаимоотношения языка и мышления.

Основная часть

1. Культурный детерминизм как обоснование культурного релятивизма в концепции Д. Эверетта

Концепция Д. Эверетта о культурной детерминации грамматических и когнитивных структур формировалась в ходе многолетних полевых исследований языка и культуры народа пираха (Бразилия, бассейн р. Маиси). Важно отметить эволюцию исследовательской позиции автора: первоначальные миссионерские задачи постепенно трансформировались в научно-антропологическое изучение быта и языка индейцев. Глубокое погружение в культурные практики, выявление уникальных свойств языка пираха повлияли и на собственное мироощущение автора, который проникся «грамматикой счастья» [16, с. 324] и стал атеистом. В. Б. Касевич [2] и Е. Н. Панов [6] отмечают, что уникальность открытий, сделанных Д. Эвереттом, может быть преувеличена вследствие испытанного «теоретического шока» и появившейся постфактум методики для проведения исследования.

Несмотря на подобную критику, специфические черты языка племени, обнаруженные Д. Эвереттом, провоцируют бурные обсуждения лингвистов, антропологов и представителей когнитивной науки. В концепции автора выделяется несколько уникальных свойств лингвистической системы пираха: малое количество фонем, отсутствие цветообозначений, счета, фатической коммуникации, рекурсии, мифов о сотворении мира и др. Рассмотрим отмеченные Д. Эвереттом свойства языка пираха.

Во-первых, уделяется внимание коммуникативно-прагматическим особенностям языка: в нем отсутствует фатическая коммуникация. Индейцы племени пираха в социальной интеракции не используют характерные для развитых цивилизаций выражения, предваряющие коммуникацию, к примеру, «привет», «хорошего дня», «до свидания». Во-вторых, уникальным явлением становится отсутствие в данном языке мифов о сотворении мира, поэтому идеи Библии или других канонических текстов непереводимы для этнической общности.

В-третьих, специфические явления можно обнаружить в различных подсистемах языка пираха. Например, индейцы обладают одной из самых скудных фонетических систем, в которых присутствует 3 гласные и 8 согласных, наряду с «каналами дискурса», дополнительными тональными элементами речи.

Лексическая система языка также обладает особенностями. Индейцы не имеют словесных единиц для обозначения цвета: они употребляют сравнения, которые описывают цвет, например красный будет описываться «как кровь», зеленый – как «незрелый» [12, с. 132]. А. Д. Кошелев замечает, что цветовые обозначения, подобные пираха, не являются экзотическим фактом даже для развитых цивилизаций: в русском языке существует множество подобных примеров аналоговых цветов, например аметистовый, янтарный, морковный, каштановый [4, с. 112–113]. Научную ценность составляет преимущественно отсутствие абстрактных лексических единиц для обозначения цветовосприятия.

Индейцы племени пираха не имеют счета, а также не могут научиться считать. В их словаре есть слова, которые приблизительно соответствуют большему или меньшему количеству [12, с. 129]. Обучение счету индейцев, проводившееся Д. Эвереттом, не имело результатов: испытуемые стабильно ошибались. Дети усваивали счет до 10, но впоследствии не использовали его, взрослые же не смогли освоить базовых числовых операций. Отсутствие числительных стало предметом полемики в статье А. А. Кибрика: «данный лингвистический факт нельзя назвать уникальным, поскольку аналогичные черты встречаются в языках Амазонии и Австралии. Исключительным является только «неспособность индейцев пираха понять идею счета» [3, с. 76].

Самым радикальным открытием Д. Эверетта становится факт, найденный в области синтаксиса: в языке пираха отсутствует рекурсия. Автор утверждает, что индейцы не имеют возможности употреблять такие структуры в составе предложений: ограничение накладывается как на конструкции-матрешки, к примеру «Дом брата Джона», так и на сложноподчиненные предложения типа «Джон сказал, что...» и ему подобные.

Для объяснения данных явлений Д. Эверетт вводит принцип непосредственности восприятия, постулируя его культурное происхождение. Согласно этому правилу, «Повествовательные предложения языка пираха содержат только утверждения, непосредственно связанные с моментом речи, о фактах, либо пережитых самим говорящим, либо засвидетельствованных кем-либо, кого говорящий застал в живых» [12, с. 143]. Язык пираха ограничен непосредственным опытом индейцев, который реализуется «здесь и сейчас» [12, с. 142], что исключает употребление абстрактных или неverified утверждений. Данный принцип отражен в морфосинтаксисе: в языке индейцев присутствует суффикс со значением «доказано и относится к опыту», маркирующий только те элементы высказывания, которые соответствуют наблюдению, поэтому из речи исключаются рекурсивные конструкции, например «дом брата Джона», т. к. семантическим и синтаксическим ядром данного высказывания является «дом» и «брат», которые могут быть верифицированы суффиксом, «Джона» в данном предложении является модификатором ядра и не может быть подтвержден суффиксом доказательства, поскольку не входит в состав ядра [16, р. 289–290].

Таким образом, по мнению Д. Эверетта, культурная норма трансформируется в грамматическое правило, ограничивая синтаксис и семантику языка. Данный принцип определяет и отсутствие абстрактных терминов, например числительных или категорий цвета в языке: индейцы имеют ограничение на использование данных структур и для эффективной коммуникации могут обходиться без таких лексических средств.

Концепция Д. Эверетта сталкивается с рядом научных возражений, которые формулируют претензии к принципу непосредственности восприятия как объяснительной эвристике, обосновывающей культурный детерминизм. С. Левинсон, например, говорит о том, что представление о жизни индейцев пираха как «здесь и сейчас» становится необоснованным и несистематизированным набором культурных особенностей [15, р. 637]. А. В. Никулин отмечает, что принцип непосредственности восприятия является нефальсифицируемой гипотезой, т. к. «...существование универсального ненаблюдаемого принципа иммунно по отношению к негативным данным» [5, с. 194].

Таким образом, важнейшей составляющей, которая скрепляет элементы концепции Д. Эверетта, является принцип непосредственности восприятия, культурное ограничение, влияющее как на лингвистические, так и на когнитивные структуры. Культурный детерминизм, рассмотренный выше, является основой для обоснования культурного релятивизма, что может быть ярко продемонстрировано на основе полемики между Д. Эвереттом и Н. Хомским относительно врожденных свойств языка.

2. Взаимоотношения культурного релятивизма и универсальной грамматики Н. Хомского

Несмотря на то, что к исследованиям Д. Эверетта высказываются воспроизведенные выше замечания, важность теории заключается в защите тезиса, отрицающего наличие врожденной компетенции к языку и оппонирующего универсальной грамматике Н. Хомского. Как замечает Б. Берлин, концепция Д. Эверетта становится большим вкладом в отрицание догмы об отсутствии причинно-следственных корреляций между грамматическими явлениями и социокультурными фактами [15, р. 635].

Проблема обусловленности языка культурой и вариативности социокультурных и лингвистических норм лежит в основе дискуссии между Д. Эвереттом и Н. Хомским. Несовпадение позиций авторов прослеживается в нескольких главных постулатах концепций: во-первых, теории полемизируют о происхождении языка, во-вторых, о его функциях, в-третьих, о процессе усвоения, в-четвертых, о природе языковых различий. Рассмотрим различия подробнее.

Релятивизм Д. Эверетта утверждает, что язык является культурным изобретением, созданным для решения проблемы коммуникации. Культурный инструмент удовлетворяет потребности в социальной интеракции [16, р. 37], если он приспособлен к практикам, распространенным в сообществе (например, использование математических или экономических единиц в лексике у развитых цивилизаций) [16, р. 266–267]. Н. Хомский, в свою очередь, рассматривает лингвистическую систему как эволюционно созданный когнитивный инструмент для упорядочивания мыслей, главная задача которого заключается в вызове когнитивных образов, а не удовлетворении потребностей коммуникации [21, р. 18–19]. Если Д. Эверетт рассматривает язык как пластичный инструмент социального взаимодействия, осваивающийся под влиянием конкретных исторических и культурных условий, то Н. Хомский утверждает, что язык является врожденной и биологически сформированной способностью индивида [10].

Четвертое из названных различий связано с природой появления языковых вариаций. Универсальная грамматика утверждает, что различия в языках поверхностны, а любая лингвистическая система строится по общим правилам, которые фундируются принципами работы человеческого интеллекта. Культурный релятивизм объясняет разнообразие языковых структур через призму адаптации к различным формам социальной практики [16].

Теория Д. Эверетта оспаривает ключевое положение универсальной грамматики Н. Хомского – обязательное наличие рекурсии как фундаментального свойства языка, обеспечивающего его творческий потенциал. Необходимо отметить различия в интерпретации рекурсии в концепциях рассматриваемых авторов. Н. Хомский понимает рекурсию как порождающую процедуру, принимающую на входе компоненты мысли, которая посредством повторяющейся операции соединения таких объектов производит иерархизированные выражения, не ограниченные по комбинациям [10, с. 104]. Д. Эверетт говорит о рекурсии как о свойстве лингвистической системы, которое размещает сходные элементы внутри друг друга [12, с. 108]. При различных акцентах в определении рекурсии авторы идентифицируют рекурсию как свойство, которое формирует иерархически организованные синтаксические конструкции (например, упоминавшиеся ранее «Дом брата Джона» или «Джон сказал, что...»).

На материале языка пираха Д. Эверетт демонстрирует отсутствие синтаксической рекурсии, что вызывает критику со стороны ряда исследователей, указывающих на примеры таких структур в том же языке. Например, А. А. Кибрик обращает внимание на то, что многие из приводимых примеров являются типичными образцами рекурсии и название самой известной книги Д. Эверетта «Не спи! Кругом змеи», которая представляет собой одноименную фразу из языка пираха, станет иллюстрацией такого принципа [3, с. 69–70]. Важно отметить, что Д. Эверетт не отрицает рекурсию как когнитивную способность. Он различает синтаксическую рекурсию (отсутствующую в пираха) и нарративную рекурсию, проявляющуюся в организации устных текстов (рассказов, историй): «одни идеи «встроены» в другие: некоторые элементы повествования оказываются подчинены другим элементам» [12, с. 261]. Д. Эверетт отмечает, что данное свойство реализуется как способность мышления к «размещению одних фрагментов содержания в рамках других» [12, с. 108].

Сам Н. Хомский в недавней книге называет базовым свойством языка генерацию неограниченного массива иерархически структурированных выражений, отображаемых на концептуально-интенциональный интерфейс, обеспечивающий своего рода «язык мысли», который затем подвергается линеаризации в связи со свойствами сенсомоторной системы, которые ответственны за экстернализацию мыслительного содержания [14]. Проще говоря, высказывая структурно организованную мысль мы должны конвертировать ее в соответствующие формы

поверхностного линейного (любого из многих тысяч) языка. Рекурсия в теории Н. Хомского является свойством «языка мышления», реализующегося как вычислительный механизм, который позволяет структурировать мысль.

Таким образом, позиции Н. Хомского и Д. Эверетта обнаруживают сходство в понимании рекурсии как когнитивного механизма, различаясь в трактовке ее языковой реализации. Если первый рассматривает рекурсию как универсальный синтаксический принцип, непосредственно отражающий глубинные структуры мышления, то последний демонстрирует ее культурно-обусловленные вербальные формы проявления. Критические исследования (А. Невинс, Д. Песецки, С. Родригез, А. А. Кибрик) ставят под сомнение тезис об отсутствии синтаксической рекурсии в пираха, что дополнительно сближает обсуждаемые теории. Расхождение между двумя представленными концепциями заключается в объяснительных парадигмах: Н. Хомский обосновывает тезис о рекурсии как проявлении биологически детерминированных когнитивных структур, а Д. Эверетт говорит о рекурсии как о культурно-опосредованном механизме мышления. Оба подхода, однако, признают рекурсию базовым свойством человеческого мышления, различающимся лишь в способах языковой реализации. Это позволяет говорить не столько о противоречии между теориями, сколько о взаимодополняющих перспективах исследования проблемы взаимоотношения языка и мышления при изучении корреляций тезиса Д. Эверетта о том, что «культура производит когницию» и позиции Н. Хомского, описанной как «когниция производит грамматику» [12, с. 239].

Н. Хомский, развивая теорию универсальной грамматики, не отказывается от тезиса о том, что языки представляют собой разные системы знаний [13], но концентрируется на вопросе, почему ребенок имеет возможность освоить любую систему знаний, не испытывая непреодолимых интеллектуальных трудностей. Ответ Н. Хомского заключается в постулировании врожденной компетенции, которая реализуется посредством универсальных принципов для каждого из языков (наличие структурных зависимостей, наличие падежа и т. д.). Ответ Д. Эверетта можно представить следующим образом: овладение лингвистической системой не создает трудностей, поскольку направляется культурными и историческими нормами, в которых находится индивид в процессе обучения, т. к. язык зависит не только от интеллекта, но и от социального класса, экономических возможностей и других социокультурных характеристик. Вариативность культуры приводит к овладению различными средствами, приспособленными к коммуникации так же, как лук и стрелы приспособлены к охоте [16, р. 18].

Проведенный анализ демонстрирует расхождение между теориями Н. Хомского и Д. Эверетта в понимании природы языка, сохраняя при этом важные точки соприкосновения. Несмотря на то, что концепция культурного релятивизма выступает альтернативой универсальной грамматике в вопросе о происхождении и функционировании лингвистической системы, данные подходы могут быть рассмотрены не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие в вопросе о взаимоотношении языка и мышления. Если теория Н. Хомского предлагает исследовать универсальные принципы языка, которые соотносятся с деятельностью мышления, то Д. Эверетт предлагает изучить культурные различия, которые могут повлиять на спецификацию когнитивных принципов.

Культурный релятивизм Д. Эверетта предполагает, что культурный фактор является необходимым элементом познавательного процесса. Данная позиция отличается от гипотезы лингвистической относительности, утверждающей, что язык детерминирует мышление. Задачей следующей части статьи станет выявить отличия и сходства культурного релятивизма Д. Эверетта и гипотезы лингвистической относительности в обосновании тезиса о влиянии языка на мышление.

3. Соотношение концепции Д. Эверетта с лингвистическим релятивизмом

Разрабатывая концепцию, Д. Эверетт рассматривал гипотезу лингвистической относительности как однонаправленную теорию, которая не учитывает роли культурного фактора в формировании как лингвистических средств, так и мышления индивида. Автор реконцептуализирует тезис лингвистического релятивизма о полной зависимости мышления от языка: в теории автора детерминантой мышления выступает культурный фактор [15, р. 622]. Хотя Д. Эверетт последовательно отстаивает позицию культурного детерминизма, эмпирические данные и методологический подход подтверждают положения слабой версии гипотезы лингвистической относительности. Более того, автора можно назвать ее сторонником [12, с. 238]. Между рассматриваемыми подходами существует различие в базовых постулатах: культурный релятивизм отвергает языковую детерминацию когнитивных процессов, а лингвистический релятивизм не признает тезиса о первичности культурных факторов в формировании грамматических систем.

3.1. Культурный релятивизм и его соотношение с тезисом о детерминации мышления языком

Гипотеза лингвистической относительности может быть описана как теория, которая утверждает, что язык влияет на мышление и провоцирует различия в процессе осуществления рефлексивной деятельности индивидов, владеющих разными лингвистическими системами.

Д. Эверетт выделяет две или три версии гипотезы (в книге, вышедшей позднее), которые различаются по степени детерминации мышления языком. «Сильная» версия утверждает, что «мышление не может выйти за пределы языка» [12, с. 236], «слабая» версия утверждает, что мы можем «выходить за рамки языка», но, как правило, этого не делаем» [12, с. 237], или «язык влияет на наше мышление о мире в большинстве задач» [16, р. 255], «очень слабая» гласит, что язык влияет на мышление в «очень специфичных задачах реального времени» [16, р. 255]. Выделение версий гипотезы лингвистической относительности связано с эволюцией идей лингвистического релятивизма и проработкой проблемы о взаимоотношении языка и мышления. Если первые версии лингвистической относительности исследуют проблему о влиянии языка на мышление (например, Б. Уорф и Э. Сепир), то новые версии изучают соотношение лингвистических средств с когнитивными способностями (С. Левинсон, Д. Слобин, Р. Лангакер, Л. Талми, С. Ю. Бородай).

Д. Эверетт проводит четкое разграничение между культурным релятивизмом и сильной версией гипотезы лингвистической относительности (в особенности идеями Б. Уорфа), критикуя последнюю за вывод о том, что отсутствие языковых средств (например, числительных и цветообозначений) делает невозможным восприятие соответствующих явлений. Исследователь указывает, что и цветовосприятие, и порядковое восприятие сохраняется у пираха при невозможности их вербального выражения. Например, индейцы могут обозначить цвет предмета, спроецировав его аналогию, например «красный» – «кровь», или восстановить последовательность действий или расположение домов. Д. Эверетт предлагает культурно-обусловленное объяснение последнему факту: отсутствие числительных в языке пираха связано с неприменимостью математических и товарно-денежных отношений в их типе общества, что отражает специфику культурных потребностей, а не когнитивные ограничения [16, р. 266–267].

Нужно отметить, что современные исследования реконцептуализируют идеи Б. Уорфа и указывают на то, что такая версия гипотезы не сформирована отчетливо в его исследованиях [1; 19]. В настоящий момент ученые обращают внимание на предположение основоположника лингвистической относительности о поступлении универсальных перцепций, которые затем интерпретируются лингвистическими средствами, представляя собой языковое мышление [1, с. 147–148]. Языковое мышление, понимаемое как последующая интерпретация эмпирических данных вербальными средствами, поддерживается многими современными концепциями лингвистической относительности [1; 18; 19]. Язык в данных теориях становится дополнительным инструментом концептуализации действительности, но не ограничивает восприятие индивида.

Исследование Д. Эверетта воспроизводит ключевой для современной проработки идеи о лингвистической относительности тезис о том, что языковые средства формируют специфическую картину мира для носителей. На примере языка пираха исследователь показывает, что индейцы имеют уникальную концептуализацию реальности, отмечая экзотическую лексику, например понятие «ибипио», которое переводится как «граница восприятия» [12, с. 140–141], и «особый психологический статус явлений», связанных с отсутствием числительных и цветообозначений [16, р. 262]. Таким образом, культурный релятивизм Д. Эверетта не отрицает тезис о влиянии языка на мышление, выносящийся лингвистическим релятивизмом, а опровергает лишь крайнюю его версию, которая в настоящий момент не поддерживается данным направлением.

3.2. Лингвистический релятивизм и его соотношение с тезисом о детерминации культуры языком

С. Левинсон отмечает, что концепция Д. Эверетта в момент своего появления предполагала сместить вектор исследования с анализа места языка в познавательной деятельности к прояснению влияния культуры на когнитивные процессы. Теоретики лингвистического релятивизма не согласны с сильной версией культурного детерминизма и однонаправленным влиянием культуры на формирование языка, но никто из заинтересованных в языковом разнообразии не отрицает, что культура и язык являются взаимодействующими системами [15, р. 638]. Например, Э. Сепир, один из основоположников идеи о лингвистической относительности, отмечает сложные взаимоотношения между языком и культурой, но не трактует их как однонаправленные. Он признает лишь частичное влияние культуры на язык: лексика отражает культурную среду, но грамматика остается независимой от социальной организации [7, с. 242]. По мнению Э. Сепира, культурная среда – необходимая для жизни и сознательно конструируемая человеком экосистема, и лексические символы в этой связи выражают артефакты, с которыми взаимодействует индивид. Эти системы взаимодействуют в своем генезисе, но не ограничивают друг друга, т. к. развиваются разными темпами [8]. Другой основоположник лингвистической относительности, Б. Уорф, несмотря на признание культурного релятивизма, также отвергает подобный детерминизм: «между культурными нормами и языковыми моделями существуют связи, но не корреляции или соответствия» [9, с. 201].

С. Левинсон, изучая различия в пространственной ориентации, доказывает тезис о том, что язык является важной частью культуры и адаптируется к ней [18, р. 316–325]. Проведенные им исследования демонстрируют связь языковых, культурных и когнитивных особенностей в пространственной ориентации. Носители абсолютной (ориентируются по сторонам света)

и относительной (лево, право) систем отсчета по-разному выполняют невербальные задания. Например, индейцы тенедапан хуже распознают зеркальные отражения, чем голландцы [17]. Эти различия отражают культурно-языковую адаптацию, что согласуется с позицией Д. Эверетта.

Таким образом, лингвистический релятивизм совместим с теорией культурного релятивизма: если последний подчеркивает культурные истоки формирования языка, то первый прослеживает, как языковая система становится медиатором между культурой и мышлением, формируя их взаимосвязь. Лингвистический релятивизм отрицает только тезис о детерминации культуры мышления и языка, но говорит о необходимости учета культурного фактора в анализе проблемы взаимоотношения языка и мышления.

Выводы

В статье было определено место культурного релятивизма среди решений проблемы взаимоотношения языка и мышления, постулируемых лингвистическим релятивизмом и универсальной грамматикой, и ее дополнительность к упомянутым направлениям.

Проследив взаимоотношения концепции Д. Эверетта с универсальной грамматикой, было выделено несколько отличий, посвященных проблеме происхождения и усвоения языка, которые делают теории антагонистичными. Теория Н. Хомского утверждает, что язык – это врожденная универсальная способность, которая развивается в ходе эволюционного развития, теоретический комплекс Д. Эверетта рассматривает язык как пластичный культурный инструмент, который формируется под воздействием потребности в социальной интеракции и удовлетворяет нуждам коммуникации.

Анализ отношений между лингвистическим релятивизмом и культурным релятивизмом выявил несколько противоположных тезисов концепций: культурный релятивизм опровергает сильную версию лингвистического детерминизма, а лингвистический релятивизм не принимает культурный детерминизм Д. Эверетта.

Несмотря на расхождения концепции культурного релятивизма с универсальной грамматикой Н. Хомского и лингвистическим релятивизмом, позиция первой о взаимоотношении языка и мышления оказывается дополнительной по отношению к названным подходам. Исследование племени пираха показывает, что универсальная грамматика, постулируя сходство базовых мыслительных способностей у любого индивида, должна обратить внимание на культурный фактор при объяснении функционирования когнитивных процессов. Также культурный релятивизм, с одной стороны, выявляет ограничения тезиса о языковом детерминизме, с другой – обогащает лингвистический релятивизм, предлагая модель объяснения специфических языковых явлений, связанную с культурной адаптацией (например, отсутствие числительных у пираха). При этом позиция Д. Эверетта не противоречит слабой версии гипотезы лингвистической относительности, а сближается в признании опосредующей роли языка в познании.

Полемика между тремя подходами отражает не столько взаимоисключение, сколько комплементарность уровней анализа при исследовании проблемы взаимоотношения языка и мышления. Универсальная грамматика объясняет потенциал языковой способности, культурный релятивизм концентрируется на вариативности ее реализации, а лингвистический релятивизм изучает взаимовлияние языка и мышления в конкретном социокультурном контексте. Таким образом, проблема взаимоотношения языка и мышления посредством методологии трех исследований может быть рассмотрена как комплексная проблема.

Ультимативные тезисы каждой из концепций, рассмотренные сами по себе, а именно – универсальность языковых принципов, культурный или языковой детерминизм, порождают ряд методологических проблем. Подобная радикализация привлекает внимание к второстепенным проблемам (происхождение языковых систем, механизмы взаимодействия культуры и языка и др.), затрудняя исследование центрального вопроса о взаимоотношении языка и мышления, и противопоставляет теоретические позиции, которые при более детальном изучении являются дополнительными и имеют возможность осуществить многоуровневый анализ взаимосвязи языка и мышления.

Культурный релятивизм исходит из социальной природы мышления и объясняет когнитивные различия через специфику группового опыта и культурно-обусловленной системы значений, акцентируя внимание на значении коллективных практик и исторически сложившихся форм деятельности, а универсальная грамматика и лингвистический релятивизм фокусируются на индивидуальном когнитивном измерении, исследуя механизмы усвоения языковых структур и влияние конкретных лингвистических форм на мышление индивида. Изучение особенностей социального развития и формирования коллективных форм мышления не противоречит, а обогащает решение проблемы взаимоотношения языка и мышления, которые представлены универсальной грамматикой и лингвистическим релятивизмом. Дополнительность данных концепций позволяет избежать редукции сложных взаимоотношений языка и мышления к одной из рассмотренных позиций и исследовать индивидуальные, коллективные и универсальные формы мышления в их взаимодействии с языком как динамичной системой взаимовлияющих факторов.

Список литературы

1. Бородай, С. Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм / С. Ю. Бородай; отв. ред. В. А. Лекторский, А. В. Смирнов. – Москва : ЯСК, 2020. – 800 с.
2. Касевич, В. Б. Минимализм в языке и речи / В. Б. Касевич // Язык, мышление и картина мира индейцев пираха(н) / сост. А. Д. Кошелев. – Москва : ЯСК, 2022. – С. 53–64.
3. Кибрик, А. А. Тирания чужого ума / А. А. Кибрик // Язык, мышление и картина мира индейцев пираха(н) / сост. А. Д. Кошелев. – Москва : ЯСК, 2022. – С. 64–84.
4. Кошелев, А. Д. О влиянии культуры социума на его язык (на примере амазонского племени пираха) / А. Д. Кошелев // Язык, мышление и картина мира индейцев пираха(н) / сост. А. Д. Кошелев. – Москва : ЯСК, 2022. – С. 85–131.
5. Никулин, А. В. Принцип непосредственности восприятия: критическая оценка / А. В. Никулин // Язык, мышление и картина мира индейцев пираха(н) / сост. А. Д. Кошелев. – Москва : ЯСК, 2022. – С. 173–201.
6. Панов, Е. Н. Язык и культура – две стороны одной медали / Е. Н. Панов // Язык, мышление и картина мира индейцев пираха(н) / сост. А. Д. Кошелев. – Москва : ЯСК, 2022. – С. 202–222.
7. Сепир, Э. Язык / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ., общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. – Москва : Прогресс, Универс, 1993. – С. 223–247.
8. Сепир, Э. Язык и среда / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ., общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. – Москва : Прогресс, Универс, 1993. – С. 270–284.
9. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Языки как образ мира. Антология / под ред. К. Королева. – Москва : АСТ, 2003. – С. 157–202.
10. Хомский, Н. Человек говорящий. Эволюция и язык / Н. Хомский, Р. Бервик. – Санкт-Петербург : Питери, 2019. – 314 с.
11. Эверетт, Д. Как начинался язык. История величайшего открытия / Д. Эверетт. – Москва : Альпина Диджитал, 2017. – 205 с.
12. Эверетт, Д. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / Д. Эверетт. – Москва : ЯСК, 2016. – 384 с.
13. Chomsky, N. Language and Problems of Knowledge / N. Chomsky // Teorema: International Journal of Philosophy. – 1997. – Vol. 16, № 2. – P. 5–33.
14. Chomsky, N. What kind of creatures are we? (Columbia Themes in Philosophy) Includes bibliographical references and index / N. Chomsky. – Columbia : Columbia University Press E-book, 2016. – 140 p.
15. Everett, D. Cultural Constraints on Grammar and Cognition in Piraha. Another Look at the Design Features of Human Language / D. Everett // Current Anthropology. – 2005. – Vol. 46, № 4. – P. 621–646.
16. Everett, D. Language: the cultural tool / D. Everett. – Great Britain : CPI Group, 2013. – 351 p.
17. Levinson, S. C. Space in language and cognition: explorations in cognitive diversity / S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 389 p.
18. Levinson, S. C., Brown, P. Immanuel Kant among the Tenejapans: Anthropology as empirical philosophy / S. C. Levinson, P. Brown // Ethos. – 1994. – Vol. 22 (1). – P. 3–41.
19. Lucy, J. A. The scope of linguistic relativity an analysis and review of empirical research / J. A. Lucy // Rethinking Linguistic Relativity / ed. by J. J. Gumperz, S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – P. 37–70.
20. Nevins, A. Pirahã exceptionality: A reassessment / A. Nevins, D. Pesetsky, C. Rodrigues // Language. – 2009. – Vol. 85, № 2. – P. 355–404.
21. Watumull, J. Rethinking universality / J. Watumull, N. Chomsky // Syntactic architecture and its consequences II: Between syntax and morphology. – Berlin : Language Science Press, 2020. – P. 3–24.

References

1. Boroday, S. Yu. *Yazyk i poznanie: vvedenie v postrelyativizm* [Language and Cognition. An Introduction to the Postrelative Theory]. Moscow: YASK; 2020, 800 p.
2. Kasevich, V. B. Minimalizm v yazyke i rechi [Minimalism in Language and Speech]. *Yazyk, myshlenie i kartina mira indeytsev pirakha(n)* [Language, Thought and Worldview of the Piraha(n) Indians]. Moscow: YASK; 2022, pp. 53–64.
3. Kibrik, A. A. Tiraniya chuzhogo uma [Tyranny of Another Mind]. *Yazyk, myshlenie i kartina mira indeytsev pirakha(n)* [Language, Thought and Worldview of the Piraha(n) Indians]. Moscow: YASK; 2022, pp. 64–84.

4. Koshelev, A. D. O vliyaniy kultury sotsiuma na ego yazyk (na primere amazonnskogo plemeni piraha) [On the Influence of Culture on Language (Evidence from Amazonian Pirahã)]. *Yazyk, myshlenie i kartina mira indeytsev pirakha(n)* [Language, Thought and Worldview of the Piraha(n) Indians]. Moscow: YASK; 2022, pp. 85–131.
5. Nikulin, A. V. Printsip neposredstvennosti vospriyatiya: kriticheskaya otsenka [The Immediacy of Experience Principle: A Critical Assessment]. *Yazyk, myshlenie i kartina mira indeytsev pirakha(n)* [Language, Thought and Worldview of the Piraha(n) Indians]. Moscow: YASK; 2022, pp. 173–201.
6. Panov, E. N. Yazyk i kultura – dve storony odnoy medali [Language and Culture – Two Sides of the Same Coin]. *Yazyk, myshlenie i kartina mira indeytsev pirakha(n)* [Language, Thought and Worldview of the Piraha(n) Indians]. Moscow: YASK; 2022, pp. 202–222.
7. Sepir, E. Yazyk [Language]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kulturologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow: Progress, Univers; 1993, pp. 223–247.
8. Sepir, E. Yazyk i sreda [Language and Environment]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kulturologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow: Progress, Univers; 1993, pp. 270–284.
9. Whorf, B. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The relation of habitual thought and behavior to language]. *Yazyki kak obraz mira. Antologiya* [Languages as a worldview. Anthology]. Moscow: AST; 2003, pp. 157–202.
10. Khomskiy, N., Bervik, R. *Chelovek govoryashchiy. Evolyutsiya i yazyk* [Why Only Us. Language and Evolution]. Saint Petersburg: Piter; 2019, 314 p.
11. Everett, D. *Kak nachinalsya yazyk. Istoriya velichayshego otkrytiya* [How language began: the story of humanity's greatest invention]. Moscow: Alpina Didzhital; 2017, 205 p.
12. Everett, D. *Ne spi – krugom zmei! Byt i yazyk indeytsev amazonskikh dzhungley* [Don't Sleep, There Are Snakes: Life and Language in the Amazonian Jungle]. Moscow: YASK; 2016, 384 p.
13. Chomsky, N. Language and Problems of Knowledge. *Teorema: International Journal of Philosophy*. 1997, vol. 16, no. 2, pp. 5–33.
14. Chomsky, N. What kind of creatures are we? (Columbia Themes in Philosophy) Includes bibliographical references and index. Columbia: Columbia University Press E-book; 2016, 140 p.
15. Everett, D. Cultural Constraints on Grammar and Cognition in Pirahã. Another Look at the Design Features of Human Language. *Current Anthropology*. 2005, vol. 46, no. 4, pp. 621–646.
16. Everett, D. *Language: the cultural tool*. Great Britain: CPI Group; 2013, 351 p.
17. Levinson, S. C., Brown, P. Immanuel Kant among the Tenejapans: Anthropology as empirical philosophy. *Ethos*. 1994, vol. 22(1), pp. 3–41.
18. Levinson, S. C. *Space in language and cognition: explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press; 2003, 389 p.
19. Lucy, J. A. The scope of linguistic relativity an analysis and review of empirical research // *Rethinking Linguistic Relativity* edited by John J. Gumperz and Stephen C. Levinson. Cambridge: Cambridge University Press; 1996, pp. 37–70.
20. Nevins, A., Pesetsky, D., Rodrigues C. Pirahã exceptionality: A reassessment. *Language*. 2009, vol. 85, no. 2, pp. 355–404.
21. Watumull, J., Chomsky, N. *Rethinking universality. Syntactic architecture and its consequences II: Between syntax and morphology*. Berlin: Language Science Press; 2020, pp. 3–24.

Информация об авторе

Мулялкина М. А. – аспирант.

Information about the author

Mulyalkina M. A. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 26.04.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 08.04.2025; approved after reviewing 26.04.2025; accepted for publication 30.06.2025.